МАРШАЛ - ЗВАНИЕ ГОРДОЕ...

Победа в Великой Отечественной войне неразрывно связана с маршалом Георгием Константиновичем Жуковым. Интерес к его личности всегда был огромен. Только в последнее время в Англии вышла книга Альберта Акселя «Маршал Жуков. Человек, который победил Гитлера», в России в который раз переизданы его мемуары. Мосгорархив при участии младшей дочери великого полководца Марии Георгиевны готовит к выпуску уникальное издание, составленное из неизвестных доселе воспоминаний и документов. А недавно вышла книга «Маршал Жуков - мой отец», автор которой - тоже Мария Жукова.

- Мария Георгиевна, каким вам запомнился отец?

- Любящим, добрым, сильным, с которым ничего не страшно. Отец для меня - во всем идеал. Помню, как в раннем детстве он нянчил меня, держал на руках, как вместе пели песни. В юности отец был для меня как старший друг, я могла с ним советоваться на любые темы. Дома висит его портрет, и я часто мысленно обращаюсь к нему за советом, думаю, как бы он поступил на моем месте.

- Он был строгим отцом?

- Более строгой ко мне была мама. А отец, если сердился на меня, то молча, насупив брови.

Я родилась в 1957 году, когда отцу исполнился 61 год. Он очень ждал сына, потому что у него уже были две дочери от первого брака - Эра и Элла. А мама хотела дочку.

- Я читал о том, что ваших родителей связывало большое взаимное чувство...

- Они необыкновенно любили друг друга. У меня сохранилось около 60 писем из переписки родителей. Первое - отца к маме - датировано 1952 годом. В нем он ее называл самыми нежными словами, какими только можно назвать любимую женщину: «Галюсенька, роднуля, голубка моя, солнышко мое, милая моя...» А в последнем, незадолго до маминой смерти, письме от 5 ноября 1973 года, он писал: «Все мои думы только о тебе, вокруг тебя. Живу ради тебя». Их любовь не угасала до последнего вздоха.

- А как ваши родители познакомились?

- Отец командовал Уральским военным округом и набирал для соревнований команду спортсменов-стрелков. Просматривая личные дела, наткнулся на документы мамы (она работала в военном госпитале). На фотографии она ему очень понравилась. А познакомился он с ней позже, когда маму как врача прислали ухаживать за ним во время болезни. В предынфарктном состоянии ему, конечно, было не до молодой женщины. Но когда здоровье пошло на поправку, все чаще стал расспрашивать ее о семье, о книгах, которые она читала. Потом отец написал в своем дневнике: «Больше всего меня привлекли ее зеленые, теплые глаза и застенчивая скромность». В старших классах я однажды спросила: «Папа, а ведь тебе, наверное, много женщин встречалось?» «Да, - отвечал. - И бывали гораздо красивее мамы. Но мама - единственная такая. Она как солнышко». И действительно, все, кто с ней общался, вспоминают ее как человека удивительной доброты.

- Ваш папа во время их знакомства еще не был свободен?

- Да, но с первой женой, Александрой Диевной, у него к тому времени уже не было супружеских отношений. В силу политических причин отцу оказалось сложным оформить развод. С 50-го года он полностью принадлежал моей маме. А официально они смогли зарегистрировать свои отношения только в январе 1965 года.

Мама ушла из жизни раньше отца на полгода. Умерла совсем молодой, от рака, 13 ноября 1973 года. Отец очень переживал и ушел следом - 18 июня 1974 года. Мне было тогда 17 лет. Я осталась на попечении бабушки - маминой мамы - Клавдии Евгеньевны. Она была секретарем-машинисткой отца. Когда после смерти папы пришли люди изымать архив, она, сильно рискуя, большую часть документов спрятала.

- В последнее время в прессе опять всплыли слухи о том, что ваш отец присваивал себе военные трофеи.

- История с трофеями была инспирирована Берией и Абакумовым. Вскоре после войны в окружении отца арестовали около 70 генералов и офицеров, из которых выбили клеветнические показания против него. Именно из этого темного источника черпали клевету и в годы гонений при жизни отца, и теперь. Двоюродный брат отца Михаил Михайлович Пилихин мне рассказывал, что некие деятели вывозили трофеи из Германии, прикрываясь его именем, а он об этом ничего не знал. Что же касается публикуемых в прессе списков якобы присвоенных отцом трофеев, то все эти вещи как были, так и остались государственными. Из Германии их привезли для оборудования дач, находящихся в ведении МГБ - в Сосновке и других местах. А вообще, я не хочу дискутировать на эту тему - противно! Для моего отца все материальное было совершенно безразлично. Он даже такое выражение употреблял - «барахло».

- И где сейчас это барахло?

- Когда после смерти отца нам пришлось переехать на другую дачу, все осталось в Сосновке. Помню, там люстра была венецианского хрусталя - из спальни Гитлера - огромная такая... Года через три после нашего переезда я побывала в Сосновке и оказалась свидетелем того, как эту мебель списывали и куда-то увозили.

- Как складывалась ваша жизнь после смерти Георгия Константиновича?

- По-разному. Пережила, например, два выселения. В 1942 году Сталин поинтересовался у отца: «Как вы отдыхаете?» Георгий Константинович ответил: «Я не отдыхаю». Зная, с каким напряжением он работает, Сталин отдал ему в пожизненное пользование дачу в Сосновке. Отец вначале отказывался от нее, потому что дом казался для него слишком большим. Потом согласился, но во время войны, конечно, приезжал туда всего на несколько часов. Когда отец умер, мы с бабушкой остались на этой даче одни. Мама умерла, а старшие сестры уже стали взрослыми. И нам с бабушкой сказали: съезжайте в 48 часов. А когда бабушка ответила, что за это время невозможно собраться, начальник хозяйственного управления Министерства обороны Чувахин заявил: «Не подчинитесь - я у ворот солдата с автоматом поставлю». Бабушка даже заплакала. Но потом, видно, совесть в генералах проснулась, и нам дали спокойно собраться.

Возможно, отец предугадывал такой поворот событий. Незадолго до смерти он писал прошение: «Я достаточно много сделал для Родины и прошу, чтобы мою семью обеспечили небольшой дачей недалеко от Москвы». Кстати, он был единственным из маршалов, который при жизни не построил себе личной дачи. Когда нас выселили из Сосновки, на эту предсмертную просьбу откликнулся Алексей Николаевич Косыгин, председатель Совета Министров СССР. И нам выделили дачу в Жуковке, где мы прожили около 16 лет. Я там сына Егора вырастила. Но позже нас и оттуда выселили.

В начале 90-х при Ельцине нам опять поставили ультиматум: выселяться в 48 часов. На дворе стоял февраль. Чтобы мы не задерживались, выключили отопление и свет. Я села на крыльцо и заплакала. Не потому, что было жалко оставленные шмотки, а от унижения.

Недавно была в Сосновке проездом. Видела, как из наших ворот выезжает шикарная иномарка. Там все изменилось: вырубили сосновый лес, разбили английские дорожки и понастроили особняки...

Беседовал
Андрей ПОЛЫНСКИЙ

Неизвестно, читал ли гвардии младший сержант прославленной ордена Ленина Краснознаменной гвардейской Кантемировской дивизии Алексей Георгиевич Истомин знаменитую поэму Твардовского «Василий Теркин». Однако его характер, отношение к воинскому долгу, близким людям очень напоминает любимого народного героя. Увы, Алексей Истомин не дожил до Победы. Он остался навсегда на хмельницкой земле на Украине, когда ему не было и тридцати трех лет. Пусть его письма помогут нам лучше понять солдат великой войны.

«ТЕРКИН» ИЗ КАНТЕМИРОВСКОЙ

Первое письмо домой он написал 7 июля 1941 года, последнее - 10 сентября 1943 года. В апреле 1943-го Истомин награжден медалью «За отвагу». Дважды был ранен, но каждый раз после лечения возвращался в родную бригаду.

15 ноября 1942 г. ППС № 2482 «Б»

Здравствуй, дорогая дочка Милочка, а также мама и Ларочка. Дочка, я получил твое письмо и очень рад, что ты учишься хорошо, значит, ты выполняешь, что я тебя просил, а поэтому я тоже буду стараться выполнять долг перед Родиной - как можно больше уничтожать фрицев и скорее с победой вернуться домой. Опишу один интересный случай из моей фронтовой жизни. В одном из местечек Курской области наша танковая бригада вступила в бой с немецкими танками и пехотой. Я тогда был в роте техснабжения.

Ночью нас разбудил командир и сказал: «Сейчас два часа ночи, а в три вы должны быть на передовой. Наши танки ждут снаряды и горючее». Мы прицепили цистерну и тронулись в путь-дорогу. Поспели в указанное место на 15 минут раньше. Замаскировали машину зеленью. Простояли в яме сутки, за нами пришли и сказали, что подошли новые танки на заправку. К вечеру третьего дня к нам подъехал танк, и командир сказал: «Ребята, мы попали в окружение, смотрите в оба - немцы кругом, выбирайтесь как можете сами». Потом добавил: «Трудно с ними было драться. Их было 40 танков, а наших - 28. Наши танкисты уничтожили около 20 немецких, а своих потеряли 11 машин». Мы с другом остались одни, я ему говорю: «Из окружения выйдем, но к немцам не попадем, а уж если нельзя с машиной, то мы ее зажгем, но будем стараться с машиной». Вдруг 4 бомбардировщика и 2 истребителя заметили нас, мы расцепили цистерну, а машину отогнали далеко в кусты метров на 200. Только успели лечь, как раздались взрывы. Цистерну пробило и два баллона. Мы заткнули палочкой дырку, сменили баллоны, поставили запасные и поехали. Близко была деревня. Часть домов горела. Когда поставили машину около дома, я лег спать, а Иван стал дежурить. Потом он лег. Когда я его начал будить, было уже светло. Мы решили двигаться дальше, как вдруг увидели, что с поля мчались на деревню немецкие танки. Их было 14 штук. Но, не заметив нашу машину, помчались дальше. Вот уже нам осталось переехать реку Дон - и мы у своих. Но моста, по которому ехали на фронт, уже не было. Я пошел по берегу, чтобы посмотреть, где есть переправа, как вдруг заметил: сидят два немца. Они меня заметили, но благодаря тому, что были пьяные, хоть и стреляли, но не попали, а я сделал вид, что они меня убили и упал. Немцы даже не пошли смотреть «убитого». И вот мы с другом Иваном решили их покупать в Дону. Когда подползли, то крикнули: «Фриц, сдавайся!» Они оглянулись и, увидев нас, бросились в воду. Иван дал по ним очередь, а я стрельнул из винтовки 4 раза и фрицы стали погружаться все больше в воду, наконец скрылись с головой.

Мила, я тебе описал один случай, а их очень много, и после этого нас направили возить пушку, как хороших ребят и не трусов, которые могут выйти из всякого положения.

10 сентября 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие Маничка, Милочка и Ларочка, а также привет всем, кого я знаю. Я пока жив и здоров после жарких боев.

Я стал кандидатом партии Ленина - Сталина и получил кандидатскую книжку на руки, а через 3 месяца буду уже член партии ВКП(б). На машине я сейчас не работаю, когда ехал на фронт, то ее у меня разбили из пушки снарядом. Перебили пополам, кое-кто умер, а кое-кого ранило, кто сидел у меня в машине, а меня недаром зовут Сорви-голова, и не поцарапало. Начал делать друзьям перевязку под свист снарядов. После этого ходил в тыл к немцам, украл себе машину у фрицев. Делалось это ночью, никто не мешал, только один фриц - шофер, которого прирезал, что тот и не пикнул, и вместе с ним пригнал машину, он спал в кабине, вот и пришлось его кокнуть, а стрелять было нельзя. Так что нож тоже берет не хуже пули, а когда фрицы догадались и открыли по движущейся машине огонь, то я уже был от них далеко.

3 марта 1943 г. ДКА, Украина п/п 2482

Я с 20 февраля находился в очень тяжелых условиях. Ждал смерть с секунды на секунду. 7 дней были у немца в окружении. Самое большое от нас он стоял 3 км и близко из дома в дом через улицы вели перестрелку. Но вот, Манечка, пришел приказ отойти и выйти из окружения, и мы под обстрелом пулеметов, под пулями прорвали оборону немцев и вот теперь в тылу на формировке. Много погибло ребят, но и немцев поколотили в 20 раз больше, чем нас. Я лично убил 18 человек, еще осталось мне убить, как я давал обещание 100, теперь 82, а тогда и самому помирать один за сто - это хорошо. Машину мою разбили немецкие самолеты, меня немного поцарапало. Бомба упала в 5 метрах от машины. Смотри в газете, я буду награжден 3 марта.

Меня ранило в ногу, но не очень страшно: из правой ноги вынули все осколки, а в левой два остались, потому что сидят у самой кости, и поэтому их тащить не стали, говорят, зарастут так. Наше начальство в госпиталь нас не отправило, решили вылечить сами.

Я награжден медалью «За отвагу» и знаком гвардейца, так что я не простой, а уже заслуженный гвардеец.

30 марта 1944 г. Полевая почта 43162-Н от Зеродова Василия Ивановича

Здравствуй, Мила! С приветом к Вам Вася. С Вашим папой я был вместе в бою, его ранило в ногу. И после этого боя я его не видел. В бою мы были в Житомирской области. Я сейчас нахожусь в Польше, но только жалко Вашего папу.

Долгое время Алексей Георгиевич считался без вести пропавшим. Но благодаря настойчивости дочери Ларисы поиски увенчались успехом. Найдено место гибели и захоронения героя. Почти каждый год Лариса Алексеевна бывает в селе Воробьевка Хмельницкой области, где на обелиске значится имя отца.

Публикацию подготовил
Юлий ЛУРЬЕ

ФЛАГ НАД ЭЛЬБРУСОМ

Я вел группу разведчиков к перевалу. Напряжение было велико, все устали, и в какой-то момент я, что называется, спиной почувствовал: мне не доверяют. Очень хотелось обернуться, но старался делать вид, что ничего не замечаю. Вдруг командир группы резко взял меня за плечо: «Ты ведешь нас к немцам - они за тем перевалом!» Я проследил за его взглядом и протянул бинокль: «Видите, на гребне стоят два тура? Эти животные не подпустят человека к себе ближе чем на два километра. Так что ни немцев, ни наших там быть не может».

Эту историю я слышал от друга нашей семьи, известного альпиниста, снежного барса Юрия Одноблюдова. Бои на Кавказе были одной из вероломных акций фашистов: еще в тридцатые годы в наших альпинистских лагерях тренировались сотни немцев, которые научились ориентироваться в Кавказских горах. Сегодня мало кто вспомнит, но именно в те годы, когда враг рвался к нашим нефтяным промыслам, к выходу на Ближний Восток и Юго-Восточную Азию, в Кавказских горах родилась наша знаменитая «Баксанская» - песня на мотив известного танго: «Где снега тропинки заметают, где лавины грозные шумят...»

Ровно 62 года назад, в начале января 1943 года, Южный фронт (А. Еременко) при поддержке Юго-Западного фронта (Н. Ватутин) и войск Черноморской группы (И. Петров) Закавказского фронта приступили к выполнению задачи, поставленной Ставкой Верховного главнокомандования: запереть на Северном Кавказе группу армий «А». Немцы стали срочно отводить войска из района Моздок - Нальчик, однако перед фронтом Черноморской группы продолжали держать оборону.

В середине дня 4 января Сталин продиктовал в Генштаб директиву: «...помешать противнику вывезти свою технику на запад <...> влезть в Ростов с востока и закупорить северокавказскую группу противника...» 14 января войска правого крыла Южного фронта вышли к реке Маныч, войска Юго-Западного фронта приблизились к Северскому Донцу, а Воронежского фронта - в район Острогожск - Россошь.

12 февраля освобожден был Краснодар, а на следующий день группа военных альпинистов в составе Н. Гусака, А. Сидоренко, Е. Белецкого, Е. Смирнова при участии сванов братьев Хергиани поднялась на Эльбрус, сбросила вымпел со свастикой и установила на вершине красный флаг.

Владимир ПОТРЕСОВ